

Уроженский Ветерик

Татьяна Луталцева

Любовь-морковь...
и точка

Татьяна Игоревна Луганцева
Любовь-морковь... и точка
Серия «Иронический детектив (АСТ)»
Серия «Самый веселый детектив»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69340600
ISBN 978-5-17-154649-6, 978-5-17-155343-2

Аннотация

«Хорошо же я выгляжу! На дворе тридцать первое декабря, вечер... Я торчу со сломанными лыжами черт знает где!– А мой любимый сейчас в обнимку с женой смотрит новогоднюю программу и ест оливье, сволочь... Какая же я недотепа!» Но даже в истерике Ася не могла предположить, что через минуту угодит под сани Деда Мороза! Увы, дедушка окажется поддельным, зато деньги при нем – настоящими и очень большими. Не знал наивный миллионер, решивший облагодетельствовать местный дом престарелых, что «на хвосте» у него бандиты, а впереди – заблудившаяся Ася-Снегурочка... И еще вопрос, кто опаснее! Попасть в мрачные застенки, почти замерзнуть в сугробе, угодить в психушку, проснуться в гробу – разве это плата за романтическую встречу? Всё у них еще впереди!..

Содержание

Любовь-морковь...	5
Бизнес-ланч для Серого Волка	58
Глава первая	58
Глава вторая	68
Глава третья	77
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Татьяна Луганцева

Любовь-морковь... и точка

Сборник

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Т. И. Луганцева, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Любовь-морковь...

и точка

Надежда вздрогнула от резкого звонка и поспешила в прихожую. Она распахнула дверь и увидела перед собой ребенка, девочку лет семи-восьми.

– Тетенька, а вы одинокая? – спросила кроха.

Надежда уставилась на неожиданную гостью. Малышка выглядела очень мило в платьице ярко-синего цвета, на ножках туфельки с овечками, толстенькая косичка с яркими бубенцами в качестве резинки.

– Еле дотянулась до звонка, – улыбнулась девочка, по-своему понимая удивленный взгляд молодой женщины.

– Что значит «одинокая»? – спросила Надежда. – Как тебя зовут, малышка?

– Меня зовут Алиса, – вежливо представился ребенок. – Но многие спрашивают – не из Зазеркалья ли я? Мне папа читал эту сказку. И мультик я смотрела. И фильм. Нет! Я здесь! Я – реальная девочка! Я ищу одинокую тётю.

– Ты где живешь? – спросила хозяйка квартиры.

– Здесь, – подняла палец девочка. – На самом верху.

– На двадцатом этаже? – уточнила Надежда, начиная нервничать как любой человек, встретивший ребенка без сопровождения взрослого.

– Да, под самой крышей! Как Карлсон, мы с папой читали книжку, – вздохнула девочка.

– У тебя просто замечательный папа, – сказала Надежда и сразу же увидела, как лицо ребенка просто расцвело от радости, словно бутон в ускоренной съемке, увидев ласковые, теплые лучи солнца.

– Я его очень и очень люблю! У меня лучший папа в мире! – подтвердила Алиса.

– Вот... Так и где он, твой папа? Пойдем к нему? – предложила Надежда Артуровна.

Девочка опустила голову, и челка шоколадного цвета упала на глаза.

– Я сначала должна сделать одно дело. Я ищу одинокого человека, – снова повторила она. – У меня есть мама и папа. Еще есть бабушка и вторая бабушка. А у вас кто есть? – подняла на Надежду большие темные глаза Алиса.

Внезапно Надежда почувствовала неясную тревогу.

– А зачем тебе это знать?

– У вас нет детишек? – взмахнула ресницами девчушка. – Почему? – уточнила она.

– Нет и всё.

– А мужа? Как у моей мамы? – пояснила Алиса.

– Тоже нет. А зачем это тебе знать, деточка?

– А как вас зовут?

– Надежда Артуровна.

– Я нашла вас! – обняла ее девочка за колени. – Я сейчас!

Не закрывайте дверь, пожалуйста! Я вернусь! Подождите! – И она стремительно ринулась вниз по лестнице с четвертого этажа.

Надежда еще какое-то время растерянно постояла в дверях, а затем решительно захлопнула дверь и пошла на кухню. Она резала себе салат, чтобы наконец поесть. Она даже приговаривала вслух:

– Витамины-витаминчики... Они необходимы организму, нельзя довольствоваться одними перекусами... Суп я варить точно не буду, даже сосиски мне не нужны. Сейчас покрошу зелень...

Звонок в дверь снова заставил Надежду прервать свою не очень увлекательную готовку. Вытерев руки о бумажное полотенце, она со вздохом отправилась снова открывать дверь.

На пороге возник тот же ребенок.

– Ты что-то забыла, детка?

Девочка на секунду смешалась, потом виновато улыбнулась и вынула из-за спины руку. Она крепко держала поперёк пузика мокрого грязного котенка. Тот беззвучно открывал розовую пасть.

– Вот!

– Господи! Что это?

– Не что, а кто, – поправил грамотный ребенок. – Это животное. Маленький кот. Вот, возьмите. Насовсем.

– Зачем ты мне его принесла?

– Чтобы вы его накормили и воспитали. Папа говорит, что одинокие люди всегда рады зверюшкам. Вы же одинокая? Вот вам котик. Он весь мокрый. Может простудиться и заболеть.

– Боже мой, деточка... – растерялась Надежда. – Я не готова взять на себя ответственность за этого заморыша...

Но она не успела закончить. Алиса положила котёнка перед дверью, повернулась и снова побежала по лестнице, но теперь уже вверх.

– Постой, постой... Алиса? Да, Алиса! Не все одинокие люди нуждаются в лишних проблемах! – крикнула Надежда. – Животных следует заводить разумно, а не вот так – с бухты-барухты! Где живет твой папа? Как его зовут?

Девочка на минутку остановилась и обернулась.

– Пётр Олегович его зовут. Он живет на первом этаже. – И она снова застучала туфельками по ступенькам.

Надежда присела на корточки перед несчастным грязным задохликом, похожим больше на мокрого крысёныша, чем на котёнка, и тяжело вздохнула:

– Пресвятая Дева, за что мне это? За какие мои провинности?

Котенок запищал и пополз по коврику, оставляя за собой грязь. Надя осторожно взяла его, он был совсем невесомый,

и отнесла в ванную, положила в тазик. Она заметалась по квартире в поисках хоть какой-нибудь коробки. Вынула новые туфли, в коробку положила мягкую тряпочку, в роли которой выступила ее дорогая, брендовая кофточка.

Надежда опустила котика в раковину, заткнула ее пробкой и налила теплой воды.

– Не знаю, показан ли тебе шампунь для блеска волос, но другого у меня нет. Вроде дорогой и гипоаллергенный. Зарядно и проверим...

Она взбила на котенке шампунь, стараясь не попасть в глазки, а потом аккуратно смыла под струей воды. Грязная вода с хлопом уходила в сток. Вскоре вода с котенка пошла чистая. Котенок боролся за свою маленькую жизнь, как мог. Он махал крошечными лапками и жалобно мяукал.

Но Надя была непреклонна. Наконец она взяла свое полотенце и завернула в него малыша.

– Ну вот и всё. Банные процедуры закончены. Давай-ка я тебя немного под теплым феном посушу. Потерпишь еще капельку?

Загудел фен. Через минуту котенок распушился и стал словно облачко.

Надя решила познакомиться с ним поближе. Она подняла малыша и заглянула ему под хвост.

– Ну и кто мы? Мальчик или девочка? Нет... Ничего не понятно. Да и вообще какая мне разница? Я не могу тебя оставить у себя. Прости...

Она аккуратно опустила малыша в коробку.

«Покормить тебя же надо... – вспомнила она. – У меня ничего нет. Что едят кошки? Мышей... Уволь, малыш, я их боюсь. Нет, так дело не пойдет. А может, ты больной? Нужно вызвать врача, чтобы он тебя осмотрел и порекомендовал, чем тебя кормить».

Надежда метнулась к своему крутому и дорогому ноутбуку, нашла адрес ближайшей платной ветеринарной клиники и вызвала врача на дом.

Доктор, который прибыл минут через сорок, осмотрел кроху, повертел его из стороны в сторону, долго и нудно рассказывал ей о необходимых прививках и обследованиях на всевозможные инфекции, написал длиннющие рекомендации и рецепты.

Надя заплатила астрономическую сумму, доктор передал ей бумаги и закрыл за собой дверь.

Надежду ждала срочная работа. Котенком она займется позже, а сейчас нужно сдать горящие отчеты и подготовить финансовые документы, которые она обещала прислать непременно сегодня. Иначе ей на работе голову откусят...

Шли часы. Надежда совсем забыла о времени. Неожиданно ее словно что-то толкнуло. Она очнулась и побежала проведать котенка.

Обувная коробочка стояла на табуретке. Котенок неподвижно лежал в ней и было непонятно, спит он или уже... Господи, ведь она его так и не покормила! Вот ведь!.. Так и дове-

рять ей живое существо!

Надежда посмотрела на часы. Нечего себе, уже одиннадцатый час! Магазин внизу, конечно, уже закрыт, он до девяти. Ну вот, даже молока малышу она не купила...

Надежда так разволновалась, что даже щеки у нее заалели. Нет, – решила она, – надо непременно что-то придумать. Но что? Ночь на дворе... Кажется, девочка говорила, что ее отец живет на первом этаже. Надо пойти к нему. В конце концов, должен же папаша нести ответственность за поступки своего ребенка? Ну за что ей такое наказание!

Стараясь не смотреть в сторону коробки с погибающей зверюшкой, она пригладила волосы, накинула на плечи вязаную кофточку и критически осмотрела себя в зеркале. Белая кофточка оттеняла алеющие щеки, глаза возбужденно блестели. Прямо в тапочках она вышла на лестничную площадку и стала спускаться, держась рукой за перила, так как в домашней обуви идти было как-то не очень привычно.

Нужно сказать, что Надежда жила в этом доме совсем недавно, несколько месяцев. Она снимала квартиру и привыкать к своему временному жилью вовсе не собиралась. Работа ее требовала постоянных разъездов и достаточно длительных командировок. Вся ее жизнь – это поезда, самолеты, гостиницы или съемное жилье. Прописана же она была с мамой в Санкт-Петербурге.

Этот дом находился в престижном районе, в парковой зоне. Двадцатипятиэтажная высотка, с двумя скоростными лифтами.

ми, большим зеркальным холлом, просторными квартирами с высокими потолками, по две на каждом этаже. В квартире две утепленные лоджии. Не квартира была у Надежды здесь, а мечта, Жаль, что, рано или поздно, ей придется съезжать.

На первом этаже Надежда остановилась около большого окна. Двор у них тоже был замечательный – с ухоженными клумбами и затейливыми детскими площадками. Здесь находились две квартиры. В какую позвонить? Сейчас уже поздно и зря тревожить людей очень не хочется. Ведь могут и не понять, что от них ей нужно в столь поздний час.

Вздохнув, она решительно нажала на звонок двери, находившейся по ее левую руку. Ладно, будь что будет! Громкая трель разорвала ночную тишину, но за дверью было тихо. Надежда нажала на кнопку звонка еще раз. И тут за дверью послышалось какое-то движение и она распахнулась.

Надежда на секунду опешила. Дверь ей открыл мужчина в инвалидном кресле. Мужчина был средних лет, синеглазый и черноволосый. На висках легкая седина. Крутые плечи обтягивала белоснежная футболка. Он улыбнулся, наверное, оценив ее растерянный вид.

– Чем обязан? – спросил он.

Надежда замялась.

– Добрый вечер, – сказала она. – То есть, извините, уже, наверное, ночь... Я ваша соседка с четвертого этажа, Надежда. Вы Пётр Олегович?

– Да. Чем могу быть полезен?

Надежда собралась.

– У меня к вам дело, – сказала она. – Дело неотложное. Требующее немедленного решения.

– Вот как? – Мужчина махнул рукой. – Прошу вас, проходите. Раз дело у вас неотложное, будем искать решение немедленно. – Он отъехал назад, пропуская ее в квартиру. – Проходите в гостиную, садитесь.

Надежда вошла в просторную комнату с очень скромной обстановкой. У окна стоял компьютерный стол с компьютером, у стены мягкий диван, журнальный столик, по бокам – два кресла. На стенах несколько симпатичных картин, явно кисти современных художников.

– Чай, кофе? Хотя, какой кофе на ночь глядя? Может, соку или воды?

Надежда отрицательно качнула головой.

– Я к вам по делу... – начала она.

Хозяин квартиры улыбнулся.

– Надеюсь, я вас не затопил?

– Нет, не затопили. Я по поводу вашей дочери. Ее ведь Алисой зовут?

Мужчина напрягся.

– Да, Алисой. А что случилось?

– Случилось то, что ваша Алиса подбросила мне котенка.

Брови Петра Олеговича удивленно поползли вверх.

– Котенка? Какого котенка? Где она его взяла?

– На помойке, наверное. Простите, я не поинтересовалась.

– Интересно девки пляшут...

Надежда пошла в наступление:

– Понимаете, она позвонила мне в дверь, поинтересовалась, одна ли я живу, и, услышав в ответ, что одна, тут же подкинула мне котенка. Типа, мне теперь будет не так одиноко.

– Вы не любите кошек?

– Послушайте, при чем тут «люблю – не люблю»? Я в вашем городе временно, в командировке. Квартира не моя, я ее арендую. Зачем мне кошка?

– Понимаю... А вы пытались Алисе объяснить, что так не делают?

– Объяснить? Да она тут же убежала! А котенок остался у меня. По-моему, это ваше дело объяснить вашему ребенку, что так поступать нельзя. Что мне теперь с ним делать? Мне даже накормить его нечем, все магазины уже закрыты. А если он умрет до утра? Я сама этого не переживу!

Пётр Олегович подъехал к дивану, около которого стояли костыли, подхватил их и выехал из комнаты, бросив на ходу:

– Простите, я на кухню. Чай заварю. А то тут без напитка не разберешься...

Надя пошла за ним на кухню.

– Вы разрешите, я вам помогу?

– Да, конечно. Правда, я уже привык всё делать сам. Но из женских рук вкуснее, вы не находите?

– Вам виднее, Пётр Олегович.

– Вы садитесь, Надя. Можно мне вас так называть?

– Да.

– Ну и прекрасно. Давайте вашу чашку. У меня и конфеты есть. – Он вынул из шкафчика коробку. – Вот, угощайтесь.

Надя улыбнулась и откусила шоколадную конфету.

Пётр Олегович сел рядом на стул. Костыли он прислонил к стенке.

– Скажите, Надя, а кто вы по профессии?

– Я аудитор.

– Вот как? Интересно. И чем именно вы занимаетесь?

– Всё как обычно. – Надежда взяла вторую конфету. – Проверяю бухгалтерскую отчётность организаций, соответствие юридических и хозяйственных документов. Ну вам это, наверное, кажется скучным? А вы что делаете?

– Я? Ну, если по-простому, я программист. Прикладной разработчик.

– А что это значит?

– Пишу программы и приложения.

– На фрилансе?

– Да, дома.

Надя допила чай и отставила чашку.

– Спасибо. Везет вам – дома работаете. А я мотаюсь бесконечно из города в город, из организации в организацию.

– Сочувствую, – улыбнулся Пётр Олегович. – Еще чайку?

– Нет, благодарю. На ночь много жидкости вредно. – Она встала. – Так как же решим с несчастным подкидышем?

– Сначала попробуем накормить.

– Если он еще жив...

– Не будем о плохом. – Пётр Олегович указал на холодильник. – Вас не затруднит поискать что-нибудь съедобное для зверька в моем холодильнике?

Надя открыла дверцу холодильника и заглянула в него.

– Курица вареная есть, – сказала она. – И полбутылки молока.

– Годится. Берите молоко и курицу.

– Целую курицу много.

– Ну, оторвите хохлатке ногу.

– А с виду вы человек кроткий.

Пётр Олегович засмеялся.

– А вы с юмором. Поможете добраться до лифта? Я возьму костыли, а то на коляске неудобно.

Когда лифт остановился на четвертом этаже, Надежда помогла Петру Олеговичу войти в квартиру. Первым делом они заглянули в коробку. Котенок шевельнулся и слабо пискнул.

– Живой! – сказали они хором.

Пётр Олегович огляделся.

– У вас микроволновка есть?

– Да, на кухне.

– Отлично. Молоко нужно подогреть. Надо, чтобы было чуть-чуть тепленькое.

Надежда налила молоко в блюдце. Микроволновка загу-

дела и через 20 секунд выключилась.

– А теперь, Надя, капните себе на запястье. Капнули? Тёплое?

Надежда кивнула:

– В самый раз.

– Надо налить в блюдце. Если не станет пить, придется кормить из пипетки. У вас пипетка есть?

Надежда вопросительно посмотрела на соседа.

– Пипетка? Какая пипетка? Аптечная? Конечно, нет!

– И как вы только живете без аптечной пипетки? – усмеялся Пётр Олегович. – Это же в домашнем деле незаменимая вещь.

– Буду знать.

Надежда налила молока, взяла котёныша в руку и макнула его мордочкой в блюдце.

– Пей, маленький.

Котенок дёрнул лапками, тоненько мяукнул и вдруг облизал розовым язычком мордочку.

– Давай-давай, – подбодрила его Надежда. – Хочешь жить – лакай из блюдца.

Котенок растопырил лапки и неумело и жадно начал работать язычком.

Пётр Олегович и Надя смотрели на него, как на какое-то чудо. Потом посмотрели друг на друга и засмеялись:

– Во даёт!

Котёнок, переваливаясь, отошел от блюдечка.

– Может, ему еще курицу дать? – спросила Надежда и оторвала кусочек от куриной ноги. – На, малыш, это вкусно.

Но котенок даже внимания не обратил на вареную дичь. Он был сыт и доволен.

Пётр Олегович погладил его между ушками.

– Надя, а вы обратили внимание, какой он красавец? Просто загляденье! Он кот или кошечка?

Надежда сказала:

– Я не разобрала. Кошачьи гениталии – не моя стихия.

– Я это уже понял. Интересно, сколько ему? Глазки уже открыты.

– Понятия не имею. Интересно, где Алиса его раздобыла?

– Обязательно спрошу. Нет, Надя, вы только посмотрите, какой он хорошенький! Лапки и грудка белые, сам темненький с рыжеватом отливом, и на спинке тоже белые пятнышки. Забавный какой.

Надя погладила малыша.

– Кис-кис... Так ты малыш или малышка? Чего молчишь? Я вот точно знаю, что трёхцветными бывают только кошки. Но они бывают и одноцветными, и двухцветными. Коты тоже, но трёхцветными – никогда.

– Говорят, их еще по морде можно различить. У кошек мордочка изящная, а у котов – квадратная. Такая, знаете ли, мордуленция...

Надя повертела котенка перед глазами.

– Сейчас не разберешь. Да ладно, жизнь покажет. Что же

нам с тобой теперь делать, милёныш?

Пётр Олегович немного помолчал, а потом сказал:

– Ну, вы уже, конечно, поняли, что с кошкой мне не справится.

Надя кивнула.

– Поняла. Но может быть, ваша жена возьмет малыша? Всё-таки это ваша наследница его где-то приобрела.

Пётр Олегович промолчал. Надежда решила сменить тему.

– Вы давно живете в этом доме?

– Не очень. Купил квартиру, потому что здесь живет моя дочь.

– И ваша жена?

– Бывшая. За квартиру пришлось побороться. В этой квартире жила женщина с двумя детьми и не собиралась уезжать. Я переплатил за квартиру два миллиона и помог подобрать подходящий вариант в этом же районе. Главное, что квартира у меня на первом этаже, и в подъезде есть пандус. Знаете, я вам сразу скажу – если вы всё-таки вручите котенка Анастасии, моей бывшей, то она его возьмет, но потом обязательно выкинет. Это будет трагедия для Алисы.

Надя посмотрела на соседа, ему явно было не по себе. Он разволновался. Она поспешила успокоить его:

– Я ей кысу не отдам. Даю честное пионерское. С салютом. – Надежда подняла руку в пионерском приветствии.

Пётр Олегович улыбнулся.

– Я вижу, вы хороший человек, Наденька. – Он немного помолчал. – А мне вот не повезло в жизни. Автокатастрофа. Сел в инвалидное кресло. Сначала было очень тяжело и физически, и морально. Жить не хотелось. Только из-за Алиски и выжил. С женой чёрт-те что началось... Я же понимаю, что стал ей в тягость, кому нужен муж-инвалид? Она женщина молодая, шустрая, не долго была одна. Быстро нашла мне замену, потом еще одну, потом еще... Она ведь никогда не работала, ни одного дня. Сидела с дочкой да по магазинам целый день шарилась. Барахольщица жуткая, ни одной распродажи пропустить не могла. Деньги были, у меня же своя фирма. Я подал на развод, Анастасия упиралась до последнего, но всё-таки нас развели. Я передал ей квартиру, ту, что на двадцатом этаже, и себе купил тут же. Еще у меня есть загородный дом в Гурьевском районе. Я без Алиски не могу. Она ко мне каждый день забегает. Анастасия не возражает, ей до дочки дела мало, ее больше мужики интересуют. Я с дочкой много времени провожу.

– Книжки читаете?

– И книжки читаем, и кино смотрим. И на прогулки ходим. И даже в куклы играем. Она у меня частенько и на ночь остается. Мамочке нашей не до доченьки. Послушайте, Надя, что я всё о себе да о себе. Расскажите, кто вы, что вы? Мне же интересно тоже.

Надя мягко улыбнулась.

– У меня всё просто. Воспитывала меня мама. Живем мы

с ней вдвоем. У нас квартира в Санкт-Петербурге. Не очень большая, но в самом центре, на Малой Конюшенной. Правда, улица очень людная, потому что теперь пешеходная. Вы бывали в Питере?

Пётр Олегович кивнул.

– Конечно, бывал. Часто. Но всё больше по рабочим делам.

– А вы знаете, почему улица называется Конюшенной?

– Нет. А почему?

– А там были императорские конюшни. Раньше улица ничего особенного собой не представляла. Дома, а между ними бульвар, его еще называли Мейендорфским, по имени одного барона. Но бульвар захирел, так как деревья почему-то на нем не приживались, и превратился просто в дорогу. На нашей улице есть Шведская церковь Святой Екатерины. Маленькую старую церковь сломали, а на ее месте поставили в 1865 году более вместительную. Сам император Александр II пожертвовал на нее аж пять тысяч рублей. Между прочим, по тем временам очень даже приличные деньги. А еще на нашей улице есть памятник Гоголю. В Москве тоже есть памятники Николаю Васильевичу – аж два. Но наш мне нравится больше. Он весь из бронзы, представляете, а постамент – гранитный, из целого монолита. Правда, Гоголь, как и московские, очень печальный. Стоит, грустно так смотрит на Казанский собор, скрестив руки на груди. Памятник внушительный, около шести метров. А еще возвратили на нашу

улицу Метеорологический павильон. Раньше по нему узнавали погоду и время, на нем часы. Правда, говорят, что это копия, так как настоящий павильон увезли на Елагин остров где-то в тридцатых годах, и он был там разрушен.

– Как замечательно вы рассказываете. Вы, наверное, очень любите свой город.

– Да, очень. Я не представляю другого места, где могла бы жить. Я могу рассказывать о Питере бесконечно.

– А где вы учились?

– Как все, в школе. Потом окончила с красным дипломом университет, экономический факультет. Второе образование у меня юридическое. Я кандидат экономических наук. Что касается личной жизни... Конечно, у меня были увлечения, куда же без них... Но семью я не создала.

– Расскажите.

– Да что рассказывать... Встречалась с одним два года. Он профессор, я аспирантка. Любовь-морковь... Я дурочка совсем была, верила каждому его слову, смотрела как на божество. Он говорил, что разведен, что есть дети, но жена не разрешает с ними встречаться, настроивает против него. Я его жалела. А всё оказалось враками. Вскоре вернулась его женошка с детьми из Лондона, и он сразу забыл про меня. Вот такая примитивная история. Банальная. Но прививку я хорошую получила, на мужчин смотрю с опаской. Стала холодной, как снежная баба. Знаете, такой ледяной снеговик... Не хочу больше боли и душевных метаний. Одной спокой-

нее.

Они помолчали. Наконец Пётр Олегович сказал:

– Ну, мне, наверное, пора. – Он посмотрел на часы. – Мама дорогая, уже три часа ночи. А нам завтра, то есть уже сегодня, работать. Бегом в кровати.

Надежда встала.

– Я вас провожу.

Она довела гостя до лифта, спустилась с ним на первый этаж и помогла открыть дверь в квартиру. Он повернулся к ней и сказал:

– Не хочется вас расстраивать, но малыша нужно кормить каждые четыре часа.

– Это сообщение вы мне на сладкое приберегли? Я же работаю, у меня не получится...

– Ну, не переживайте, как-нибудь приспособитесь с кормежкой. Да это и ненадолго. Кошки растут быстро. До свидания, Наденька, надеюсь, еще увидимся.

Он закрыл дверь квартиры, а Надя пошла к лифту.

Надежда поставила будильник и свернулась калачиком на диване, накрывшись клетчатым пледом. Рядом в коробке на стуле возился, попискивая, котёнок. До утра она еще два раза спускала его на пол и наблюдала, как он розовым крошечным язычком лакал молоко, а потом прудил лужицы.

«Что же мне с тобой делать?» – думала Надежда. Сон не шел, в глаза словно спички вставили. Она лежала и смотрела

в окно, за которым стало гораздо светлее – рассвет вступал в свои права. Ничего дельного не приходило ей в голову, как она ни мучилась. «Ой, ладно! – решила она наконец. – Может, что-нибудь путное и придет в голову...»

Неожиданно она провалилась в глубокий сон, из которого ее вырвал резкий настойчивый звонок в дверь.

Она присела на кровати и схватилась за голову. Спать хотелось смертельно. «И кого это черти принесли в такую рань? Ну вас к дьяволу, не буду открывать дверь!» – приняла она решение и снова рухнула на подушку.

Звонок трезвонил безостановочно, словно утренний посетитель знал, что она дома, и хотел достать ее во что бы-то ни стало.

Проклинаая весь белый свет, Надежда нашарила тапочки, накинула халат и зашмурыгала к входной двери. Повозившись с замком, она распахнула ее и увидела паренька в фирменном комбинезоне и бейсболке.

– Добрый день! – заулыбался привычно курьер. – Доставочку примете?

Надежда непонимающе уставилась на него.

– Какую доставочку? Я ничего не заказывала.

Курьер деловито развернул свою тетрадку.

– Вы не заказывали, значит, вам заказали. Вот ваш адрес, – показал ей квитанцию, – ваш дом, ваша квартира. Получите и распишитесь. Извините, мне некогда препираться,

у меня заказов куча.

Надя тупо уставилась в квитанцию, пытаясь понять, что в ней написано. Но не поняла.

– Ладно, – сказала одна. – Где у вас тут крестик поставить?

Курьер ткнул пальцем в нижнюю строчку, Надя поставила свою подпись и приняла в руки огромную коробку. «Хорошо бы не бомба», – подумала она, ногой захлопывая дверь.

Она внесла посылку в комнату и поставила на кровать. Тут ее взгляд упал на обувную коробку, в которой возился пушистик.

– погоди чуток, – сказала она ему. – Сейчас посмотрим, что в этой коробке, и, если не взорвемся, я сбегая тебе за молоком.

Надя принесла из кухни нож и разрежала скотч, которым была оклеена коробка. Заглянув в нее, она опешила – коробка была под завязку набита кошачьим кормом и баночками с витаминами для гармоничного развития кошачьих малышей. Еще в ней находились пухочёска, разные мисочки для трапезы, шампунь и бальзам, кошачьи игрушки, лоток с наполнителем, складной домик для резвых игр и даже мягкая лежаночка для полуденного отдыха.

– Мама дорогая... – протянула Надежда. – И от кого такая благотворительность? Зачем мне всё это? Я же ничего не решила с котенком...

Она отыскала в коробке пакетик с влажным кормом, выложила его в новую тарелочку и поставила перед малышом.

– Давай ешь, – сказала она. – Некогда мне с тобой возиться. Молока попозже куплю, сейчас не до тебя.

Словно ее услышав, котенок ткнулся мордочкой в корм и начал осторожно есть.

– Ну, вот и славно, – обрадовалась Надежда. – Ты лопай, а мне пора на работу собираться. Вечером будем учиться ходить на горшок.

Но не успела она заскочить в ванную, как в дверь снова позвонили.

– Нет, у меня точно сегодня с утра день открытых дверей! Кого еще намело? – скрипнула нечищенными зубами Надежда и, держа в руке зубную щетку, на которую она не успела выдавить пасту, опять отправилась в прихожую.

За дверью стояла Алиса.

– Здравствуйте, Надежда Артуровна! – вежливо поздоровался ребенок. – Я сегодня в школу не пойду, мама сказала, что у меня какие-то желёзки увеличены и я могу заболеть. А можно посмотреть на котика? Я очень соскучилась по Лучику, мне даже ночью снилось, что я его глажу по спинке. – И девочка рукой показала, как она ночью гладила воображаемого котенка.

– Конечно, заходи, – отступила на шаг Надежда, приглашая девочку зайти. – А почему Лучик?

– А кто? – удивилась Алиса. – Он мне еще в прошлый раз сказал, что его так зовут. Его так мама-кошка называла.

– Да? – Надежда постаралась не показать удивления. – Ну,

если его мама так называла... То конечно. В принципе, какая разница – Лучик или Мячик... Ты позволишь мне зубы почистить? – Надя махнула зубной щеткой. – Я на работу спешу. А котенок в комнате, в коробке. – И она скрылась в ванной.

Когда она вошла в комнату, то сразу же услышала воркование:

– Какой ты у меня маленький, какой пушистенный, какой славненький... Ты самый-самый лучший на всем белом свете котик, и пузико у тебя такое толстенное... Ты мой любимый... Дай-ка я тебя поцелую...

Девочка держала его в одной руке, гладила другой и еще пыталась чмокнуть в нос.

Надя решительно вынула малыша из ее рук и положила в коробку.

– С котятками так нельзя, – строго сказала она. – Это не живая игрушка. Нельзя их тискать, ты можешь малышу что-нибудь повредить. Видишь, какой маленький и слабенький. И тем более целовать. А вдруг у него глисты? Ведь ты пригнала мне его с улицы.

Девочка захлопала длинными ресницами и заныла:

– Надежда Артуровна, я больше не буду. Я не хотела... Я только хотела... Я хотела его пожалеть...

– Хотела, не хотела... – Надежда была строга. – Котенок – зверюшка хрупкая, надавишь посильнее, тут он и погибнет.

Глаза девочки наполнились слезами.

– Я больше не буду...

Надежда поняла, что с воспитанием пора завязывать, а то девчонка разрыдается.

– Не плачь. Я тебе всё правильно сказала. Ты девочка уже большая, всё сама хорошо понимаешь и обижать Лучика не будешь. Ведь не будешь?

Алиса шмыгнула носом и кивнула.

– Не буду. Я большая.

– Вот и хорошо. А сейчас мы с тобой чаю попьем. Будешь чай? С конфеткой?

Они отправились на кухню. Надя помогла Алиске влезть на высокий стул, налила ей чай в чашку и положила перед ней конфету.

– Тебе мама разрешает есть шоколадные конфеты?

– Да. Только немного.

– Тебе не горячо? Хочешь я долью в чашечку кипяченой воды?

Девочка кивнула, и Надя налила ей в чашку воды, чтобы ребенок не обжегся.

– А что Лучик ест? – спросила девочка, разворачивая фантик конфеты «Красная Шапочка».

– Молоко пьет. А сейчас попробовал впервые кошачий корм. Знаешь, сегодня до тебя ко мне курьер приходил и притащил мне коробку со всякой кошачьей всячиной.

– Это мой папа прислал.

Надя удивленно посмотрела на нее.

– Твой папа? Откуда ты знаешь?

– А я ему утром звонила, и он мне рассказал. Правда, перед этим немного поругал, что я вам без спроса Лучика принесла. У меня папа очень-очень хороший, я его ужасно люблю. Он у меня герой.

– Герой?

– Да. Он совершает героические поступки. Так одна тётя сказала. У него прошлым летом один мальчик дома жил. Папа сказал, что у мальчика нет родителей. Мальчик очень болел. Папа оплатил ему операцию. Мальчик, его Антон зовут, стал совсем здоровый. Папа отправил его в санаторий. Он сейчас в детском доме живет. Папа его навещает и всем ребятам привозит подарки. Правда, сейчас он не может сам ездить... Он директор капара... карпаранции и даже входит в список хорест. Нет, фогос...

– Форбс? – улыбнулась Надежда. – Да, твой папа очень хороший.

– И мама у меня тоже хорошая, только она очень нервная. Поэтому она всё время сердится и времени у нее мало, она очень занята.

– И чем же она занимается?

– Я не знаю. Но всегда, когда я ее прошу почитать мне книжку или поиграть со мной, она отвечает: «Я сейчас не могу, я очень занята». И она не позволит мне Лучика взять, потому что от кошек аллергия. От всех волосатых животных в доме аллергия, так мама говорит. Поэтому у нас дома

никто не водится – ни попугайчики, ни хомячки, никто... А я хочу и кошку, и щенка.

– И за собакой, и за кошкой, да и за хомяком надо ухаживать. Они как маленькие дети – их нужно правильно кормить, гулять с ними, заниматься, водить к врачам. Ты еще маленькая, вот подрастешь и заведешь себе кучу хвостатых друзей, хорошо?

– Да. И папа так говорит. Надежда Артуровна, а можно я к вам буду приходиться играть с Лучиком?

– Конечно, можно. Только у мамы нужно спросить разрешение.

– Мама не разрешит.

– Это почему?

– Я знаю. От нее все плачут.

– Кто эти «все»?

– Клавдия Ивановна плакала, Марина, Ольга Алексеевна... И Полина тоже. А недавно плакала Нина Петровна.

– Кто эти тёти?

– Мои няни. Они приходят, а потом уходят от нас. А в Нину Петровну мама запустила тарелкой и попала ей по ноге. Я видела, Нина Петровна плакала. А Полина даже хотела на маму в суд подать, я слышала.

Надежда покачала головой.

– Ничего себе... Слушай, а мама знает, что ты здесь, у меня?

– Кажется... А у вас есть мама и папа? – перевела разговор

Алиса.

– Папу я своего не видела ни разу, он очень рано ушел...

– На небо?

– Да... А мама моя, Галина Николаевна, живет далеко, в городе, в котором я родилась.

– А где ваш город?

– Ты можешь говорить мне «ты», – разрешила Надежда. – Я с мамой живу в Санкт-Петербурге, но на разных квартирах. У мамы...

– Сердитый характер? – догадалась Алиса.

– Да, наверное, это так. Но она моя мама, и я люблю ее, какой бы она ни была. А здесь я квартиру снимаю.

– Я тоже свою люблю! – заулыбалась Алиса. – А ты хорошая!

– Спасибо, ты тоже.

– Давай дружить? Ты, я и Лучик!

– А у тебя нет подружек... твоего возраста?

– Нет... – опустила голову Алиса. – Мама не разрешает. Я от них плохого наберусь, но вы... ты мне тоже подходишь.

– Спасибо, конечно... – Надежда погладила малышку по волосам.

Алиса прильнула к ней, сердце Надежды сжалось.

– Алиса, я хочу тебе сразу же сказать, ты не должна привязываться сильно ко мне и... Лучику. Дело в том, что я здесь ненадолго, я уеду через шесть месяцев.

– Навсегда? – ахнула Алиса.

– Зависит от моей работы. Возможно, когда-нибудь еще попаду сюда, может быть, нет.

– У тебя плохая работа, – насупилась девочка.

– Да? Не знаю, меня всё устраивает. Поэтому, если ты хочешь Лучика, то бери его сейчас. Иначе я его увезу.

Алиса обхватила ее маленькими руками.

– Мне будет больно расставаться с Лучиком, но ты хорошая, и я тебе его подарила. Я же его принесла, чтобы ты не была одна. И мне теперь тепло.

– Тепло, милая?

– Да! Ведь ты больше не говоришь, что отдашь его, – ответила Алиса. – Если бы я...

Но дальше Надежда не дослушала, так как снова прозвучал требовательный дверной звонок. Она встала и молча открыла дверь.

На пороге возникли две женщины. Одна немолодая, просто одетая, взволнованная. А вторая – кинодива. В худшем исполнении. Высокая, худая, с темными и длинными волосами, Лицо красотки явно было знакомо со всеми ухищрениями современной косметологии, и главное, что ее выдавало – это губы уточкой, как у кряквы, и широченные брови, как у Брежнева. Одна из миллиона дурёх, которые не понимают, что такое настоящая красота, а делают из себя жутковатые копии похожих друг на друга кикимор. Верный признак, что у дамочки со вкусом не всё в порядке. Взглядом она хотела Надежду испепелить.

– Мама, мама, смотри какой котик! Его Лучик зовут! – выглянула из-за Надежды Алиса, протягивая к матери котенка.

– О боже! Алиса, немедленно брось эту... эту крысу! Как ты посмела уйти к незнакомой женщине? Одна, в чужую квартиру? Без спроса? А тебя, – повернулась она к своей спутнице, – я лишу месячного оклада! Плохо следишь за ребенком!

Алиса заплакала. Надежда взяла у нее котенка.

Мать схватила Алису за руку и потащила к лифту.

– Извините... – прошептала няня и кинулась вслед за хозяйкой.

Плач Алисы еще долго стоял в ушах Надежды. Она пошла на кухню и машинально налила себе уже остывшего чая.

– Кошмар какой. Вот коза драная! И кто только ей дал право так говорить со мной? Довела ребенка до слез, – шипела она, пытаясь успокоиться. – А я ведь предполагала, что так и будет! Сходятся, расходятся, за ребенком не следят, а виновата я!

Посмотрев на часы, она вздрогнула, наскоро причесалась, оделась, схватила сумочку и телефон и побежала на работу.

День пролетел, как сон пустой. Работа, работа и еще раз работа. Разбитая и без сил Надежда вернулась домой и рухнула на диван, вытянув усталые ноги. Но не прошло и десяти минут, как ее снова потревожили. Надежда открыла дверь. И сразу увидела огромный букет.

Пётр Олегович протянул ей розы.

– Прошу извинить меня за непрошенный визит.

Надя устало улыбнулась.

– Ну что вы... Проходите, пожалуйста.

Тяжело опираясь на костыли, сосед вошел в комнату и опустился в кресло.

– Я пришел попросить прощения. За дочку и за жену. За бывшую жену, – поправился он. Мне всё Алискина няня, Нина Петровна, рассказала. К вам приходила моя жена, вела себя по отношению к вам по-хамски. Больше этого не повторится, я вам обещаю. Алиса может приходиться к Лучику?

– Теперь я понимаю, в кого дочка, – усмехнулась Надежда. Она налила в вазу воду и поставила цветы. – Конечно, я разрешу малышке всё что угодно, но вы уж там договоритесь с вашей женой...

– С бывшей женой.

– С мамой Алисы, – улыбнулась Надежда.

– Мы всё решим.

Возникла небольшая пауза.

– Может быть, вина? – предложила Надежда. – Французского?

Пётр Олегович тяжело поднялся и взял костыли.

– Нет, спасибо. Я пойду.

Надежда заметила, что он двигается, как ей показалось, уже более уверенно.

– Простите, Пётр Олегович, – сказала она. – Мне кажется

или действительно у вас с ногами произошло улучшение?

– Вы заметили? – улыбнулся он. – Да, мои тренировки дают плоды. Я ведь каждый день на тренажерах. Скажите, Надя, а вы в Калининграде впервые?

– Когда-то в детстве была... Можно сказать, что впервые.

– Тогда я приглашаю вас на экскурсию. Дайте мне шанс оставить о нас с дочкой хорошие воспоминания.

Надя улыбнулась и кивнула.

– Договорились. В это воскресенье я свободна.

В Калининграде было на что посмотреть. Взять хотя бы Музей янтаря. Его открыли не так уж давно – в конце семидесятых – начале восьмидесятых годов прошлого века. Одно его месторасположение приводит в восторг. Музей находится на берегу озера в крепостной башне середины XIX века, в центре города. В этом музее окаменевшая смола древних хвойных деревьев, которые росли и качались под ветром, наверное, более сорока миллионов лет назад, вот эта самая каменная смола – янтарь, – царь и бог. Чего тут только нет! И редчайшие образцы янтаря с включениями остатков животных – мушек, жучков и комариков, и растительных организмов, попавших десятки миллионов лет назад в некогда жидкую и вязкую смолу, и огромный камень весом около пяти килограммов. А какие украшения из янтаря! У Надежды просто глаза разбежались. Музейные помещения словно наполнены солнечным светом, который впитал в себе этот по-

истине божественный камень. Пётр Олегович купил в магазине музея потрясающего янтарного ангела и преподнес его Надежде.

Зашли они и в Музей Мирового океана. Здесь находится уникальная в своем роде Набережная исторического флота с разнообразными судами. Надежда «прилипла» к потрясающим морским аквариумам и витринам с коллекциями кораллов, раковин морских моллюсков. Обошла вокруг белого гигантского скелета кашалота. В этом интерактивном музее они погрузились в исследования морского дна, налюбовались морскими обитателями, а потом побывали на настоящей подлодке. В этот музей они прихватили и Алису, которая была просто в восторге от увиденного.

Забрели они и в Ботанический сад, посетили оранжереи, сходили в зоопарк. Конечно, Алиска уже не раз бывала в Зоологическом саду, но она была счастлива вновь увидеть животных, собранных со всего земного шара.

Петра Олеговича в инвалидной коляске возил его помощник, а в большом джипе за рулем находился личный шофер Петра Олеговича – Алексей.

Шло время. Пролетели два месяца. Надежда и Пётр не расставались. Пётр окончательно встал на ноги, но ходил еще осторожно, с палочкой. Он дарил ей подарки, цветы, окружал всяческим вниманием. Если позволяла капризная калининградская погода, они катались на его яхте, ходили в

рестораны и, спасаясь от дождя, пили замечательный кофе с восхитительными пирожными в кофейнях, проводили божественные ночи вдвоем. Они упивались своим счастьем, им не хотелось думать ни о чем плохом, тем более о будущем.

Пару раз Надя видела Анастасию с ее нынешним бойфрендом Вениамином, когда она с Петром забирали Алису на очередную прогулку. Но и Надежда, и бывшая жена Петра делали вид, что не замечают друг друга.

Как-то раз к Надежде в дверь позвонила домработница Анастасии Нина Петровна. Надежда открыла дверь, и пожилая женщина бросилась ей на грудь, обливаясь слезами:

– Горе-то какое! Надежда Артуровна! Несчастье!

– Господи, что случилось? – испугалась Надежда.

– Пётр Олегович и Вениамин, не знаю его отчества, подрались, избili друг друга...

Перед глазами Надежды вспыхнула жуткая картина. Пышущий здоровьем тупомордый кретин и Пётр, ее Пётр, у которого еще не всё в порядке с ногами, схватились врукопашную.

Надя сорвалась с места.

Няня ее остановила:

– Пойдите, Наденька! Их там уже нет. И полиция была, и «скорая», – сказала Нина Петровна.

– А где... А куда... Где Анастасия? – не знала, что делать Надежда.

– Анастасия, Наденька, сейчас с Алисой. Полиция воз-

буждает дело о насилии над ребенком.

Надя похолодела.

– К-каким насилием?

– Венька ударил девочку.

– Боже мой! Какой кошмар! За что?

– Он, видите ли, вышел из себя. Алиска не очень-то при-
вечает этого Вениамина. Девочка его сторонилась и стара-
лась не общаться. А тут она взяла фломастеры и стала ри-
совать божью коровку с черными точками, но не красного
цвета, а зеленого. Этот дуrolом подошел к ней, посмотрел
на рисунок и заявил, что зеленых божьих коровок не бывает.
Алиска ответила, что любит этих жучков и всё про них зна-
ет. Знает, что они бывают и желтенькие, и красные, и даже
белые, но это ее собственная божья коровка, и она зеленая.
Венька захохотал и сказал: «Ты недоразвитая! Жук не мо-
жет быть зеленым, он не трава! Давай, перекрашивай!» Ко-
роче, прицепился к девчонке, гад! Ну, Алиска, долго не раз-
думывая, схватила зеленый фломастер и начиркала ему на
руке. Тот выверился и отвесил ей леща, то есть подзатыль-
ник. Алиска заплакала – больно ведь и обидно! А этот недо-
умок стоит над ребенком и ржет, как конь, радуется. Пётр
Олегович услышал плач дочки, пришел в комнату и пустил в
ход свою палку – огрел мерзавца что было силы, да не один
раз. Вот они и схватились... Я-то всё видела, тоже на крик
Алиски прибежала, я и полицию вызвала. И «скорую». Та их
обоих и увезла.

– Я сейчас же поеду к нему! – сразу же вызвалась Надя. – Адрес дайте, пожалуйста.

– Не торопитесь. Сегодня сказали – не тревожить. Завтра навестите! – остановила ее Нина Петровна.

Понятно, что ночь Надя провела беспокойно. Весь день она моталась по рабочим делам, а к вечеру заехала в больницу. Первой, с кем она столкнулась, была Анастасия, выходящая из ВИП-палаты. Ясно, что встреча была неприятна для обеих, но они держали хорошую мину при плохой игре.

Анастасия скривила свои толстенные губы:

– Ты, соседка... Что припёрлась? Заботу проявлять? Присосалась к моему мужу, как клещ. Небось только деньги его и нужны, даже калеккой не побрезговала... Ты думаешь, что Петя тебя любит? Да он... однолюб и всю жизнь меня любил и будет любить. Меня и дочку нашу. Он с тобой побалуется и бросит. Не ты первая, не ты последняя, так бывало, и не раз. Петенька мой – ходок по женской части известный, не обольщайся. Я тебя по дружбе предупреждаю – с Петей тебе ловить нечего – поматросит и бросит. Семья для него всё. Прощай. Не теряй зря время, уйдет – не воротишь... – Она взмахнула маленькой сумочкой на длинном ремешке, манерно повесила ее на плечо и, демонстративно покачивая бедрами, двинулась к выходу по длинному больничному коридору.

Надежда посмотрела Анастасии вслед и открыла дверь в

палату спецотделения.

Петр выглядел очень довольным, несмотря на разбитое лицо и руку в повязке.

– Привет. Ты как?

Пётр улыбнулся разбитыми губами и поморщился от боли.

– Ничего. Даже хорошо. Сегодня счастливый день. Анастасия решила жить в Майами, не затягивая процесс. Она попыталась шантажировать меня Алисой, но я сказал, что подам в суд на нее и ее сожителя. А если они будут под следствием, то Майами и белый морской песочек накроется медным тазом. А мой ребенок ни дня больше не останется в доме, где он подвергается насилию. Мы пришли с Анастасией к общему знаменателю. Она передает Алису под мою полную опеку до поры, когда ребенок сам может выбрать, с кем из родителей ему жить. А я дал ей очень приличные отступные, на которые она может безбедно жить.

Надежда села на стул рядом с его кроватью.

– Петя, послушай. У меня закончилась командировка. Я возвращаюсь в Санкт-Петербург.

Пётр помолчал. Потом сказал:

– А день так хорошо начинался...

Надежда продолжила:

– Ты должен меня понять. Это же работа. Меня ждет новое задание. Меня уже ждут на новом месте. Дома я получаю

командировочные – и снова в путь. Ну, что ты молчишь?

Пётр разжал губы:

– А что я могу тебе сказать? Ты уже всё решила. Но мне кажется, что еще должна хорошенько подумать. Обещаешь мне?

– Что должна: подумать?

– Да. И ты знаешь, какой ответ я хочу услышать.

Надежда улыбнулась и встала.

– Конечно, я подумаю. Но сейчас мне уже пора. Не сердись. – Она легонько прикоснулась губами к его губам. Пошла, взялась за ручку двери и обернулась к Петру. – Я очень-очень хорошо подумаю, Петя, обещаю...

Надя вышла и плотно прикрыла за собой дверь.

Рейс Надежды был утренний, и уже с вечера она начала собирать чемодан и сумку. Для Лучика она приобрела заранее и ветеринарное заключение, и билет, и комфортную переноску. Но не успела она собрать и половину вещей, как раздался звонок в дверь.

Алиска ворвалась в квартиру, как вихрь и бросилась к котенку. За ней вошла Нина Петровна.

Алиска целовала и прижимала к себе пушистый комочек, приговаривая:

– Как же я без тебя, кисонька моя? Кис-кис! Надя, не уезжай! Пожалуйста!.. – Слёзки, словно горошинки, катились по ее щекам.

– Девочка моя, ну ты же понимаешь, что рано или поздно это бы случилось. Я предупреждала тебя. Мне надо домой. У меня работа. – Надя присела на корточки около девочки. – Ты не расстраивайся. Ведь ты приедешь ко мне в гости, да?

Девочка кивнула.

– Ну, вот Ты приедешь, а мы с Лучиком будем тебя ждать. Ты уже большая девочка, всё должна понимать. Мы ведь расстаемся не на всегда. Ты будешь приезжать ко мне в Питер, мы с тобой будем гулять, кататься по Неве и каналам на парходике, я тебе покажу много-много интересного. Не огорчайся так. – Она вытерла девочке слёзы. – Больше не будешь плакать?

Алиса тяжело вздохнула и кивнула.

– Ну, вот и хорошо. – Надя встала. – Давайте прощаться. – Она протянула девочке листочек. – Вот мой номер телефона, звони хоть каждый день. – Она повернулась к няне. – Спасибо вам, Нина Петровна, за Алису.

Они обнялись. Алиса подарила Наде свои рисунки.

Гости вышли за порог, а Надежда продолжила сборы. Но через некоторое время в дверь снова позвонили. На пороге стоял Пётр.

– Добрый вечер. Можно зайти?

– Конечно. – Надя отступила, пропуская гостя. – Проходи. Я собираюсь, но сейчас поставлю чайник. У меня есть печенье.

– Подожди с чаем. У меня важный разговор...

Пётр вытащил из кармана бархатную коробочку и открыл ее. На золотом ободке блеснул яркий бриллиант.

– Выходи за меня замуж.

Надя молчала.

Пётр попытался прервать ее молчание.

– Что ты молчишь? Тебе нечего мне сказать?

Надя подняла на него глаза.

– Петя, спасибо. Я очень тронута. Честное слово, мне очень приятно, но...

Она снова замолчала.

– Что «но»? – занервничал Пётр.

– Ты только пойми меня правильно. Я тебя люблю. Да! Я тебя люблю. Но обстоятельства сейчас таковы, что я не могу сразу ответить тебе согласием. Может быть, позже, но не сейчас.

– Почему не сейчас? У тебя со мной был просто очередной романчик в командировке?

– Зачем ты так? Ты не должен обижаться. У меня много проблем. Работа, мама в Питере... Я не могу так сразу обнадежить тебя, что всё брошу и останусь в Калининграде.

– Ты не хочешь быть моей женой, потому что я инвалид. Но, Надя, я богатый инвалид, за это мне многое прощается.

– Не говори пошлости. Постарайся меня понять. Ну, пожалуйста, Петя. Я разберусь в своих чувствах и обязательно дам тебе ответ. Твое предложение очень неожиданное, но я должна подумать. Я дам тебе продуманный ответ, оконча-

тельный, а не с бухты-барахты. Сейчас в тебе говорят эмоции, но ты успокойся. И ты поймешь меня.

Пётр закрыл коробочку и положил в карман.

– Я всё понял. Прости.

– За что ты просишь прощения? Наш разговор не окончен.

– Жизнь покажет, Надя. Она всё расставит по своим местам. Позволь, я завтра отвезу тебя в аэропорт.

– Да, конечно! Петенька, не сердись! – И Надя поцеловала Петра, закрывая за ним дверь.

Прошло шесть месяцев.

Наде повезло, все эти полгода она работала в Питере, жила дома. А сейчас она ехала на работу, так как на горизонте маячила новая командировка.

Она постучала в дверь начальника и, получив ответ, вошла в его кабинет.

Борис Михайлович, солидный мужчина лет пятидесяти, приветливо улыбнулся, увидев ее:

– А-а, Надежда Артуровна!.. Заходи-заходи...

– Вы просили зайти, Борис Михайлович?

– Да, тут такое дело... – Начальник стал перебирать бумаги, которыми был завален его стол.

Надежда сказала:

– Да не тяните, Борис Михайлович! Куда мне лететь в этот раз? На Марс?

Начальник смешался.

– Ну, что вы! Какой Марс? Гораздо ближе... Гораздо ближе... – Он продолжал рыться в бумагах. Наконец вытащил какой-то листок.

– Вот... Замечательное место. Якутия.

Надежда вытаращила на него глаза.

– В Якутию в марте? Нет, Борис Михайлович, я не Снегурочка. Я там околею.

Начальник даже привстал со стула и перешел на «ты».

– Да ты не представляешь, как там здорово! Экзотика! Олени, упряжки, меха, якутские алмазы...

– Какие алмазы, Борис Михайлович? Какие упряжки с оленями в мехах? Я не поеду.

– Надежда, прошу тебя, не отказывайся, ведь ты всегда меня выручала.

– Не в этот раз, Борис Михайлович. – Надежда замолчала, словно приняла какое-то важное решение. – Я увольняюсь.

Начальник аж подскочил.

– Ты это брось, Надежда! Что это за «увольняюсь»? По какой причине? – Он сменил тон. – Ну, не хочешь ехать в Якутию, чёрт с ней, с этой Якутией. Гаврилова пошлю. Ему всё равно, куда ехать, лишь бы подальше от тёщи и детей.

– Вы не имеете права мне отказывать. Я сейчас напишу заявление... – сказала Надежда и взяла со стола начальника лист бумаги и ручку. – И через две недели буду свободна. – Она принялась писать.

Начальник встал и заходил по кабинету.

– Нет, ты послушай! Послушай меня... – Он попытался отобрать у Надежды бумагу.

Та отодвинулась и продолжила свое дело.

– Надя, не пори горячку. Ты теряешь приличную работу, приличную зарплату...

– Приличную работу? Да я дома не бываю! Приезжаю, как в гости. А у меня старенькая мама. Я кота воспитываю.

– Кота? – растерялся Борис Михайлович. – При чем тут твой кот? Ну хочешь, я тебе зарплату повышу? Хочешь, Надежда?

– Ничего я не хочу, Борис Михайлович. Я устала. Понимаете, ус-та-ла. Любой крепкий механизм рано или поздно выходит из строя, изнашивается. Вот и я износилась. Сил моих больше нет по полгода по вашим якутским мотаться, жить в казенных номерах и питаться в задрипанных столовках. У меня своя жизнь есть, свои планы. Я хоть наёмная сила, но право имею. Свободу попугаям! – И она поставила на заявлении подпись и число.

Не говоря ни слова, начальник взял свою ручку и подписал заявление.

– Скатертью дорога, Надежда Артуровна. Но учти, если передумаешь, я тебя возьму обратно без испытательного срока. Отнеси в отдел кадров.

Надежда улыбнулась.

– Спасибо, Борис Михайлович! Вы настоящий мачо.

Надежда не хотела сразу искать новую работу. Она занималась домом, мамой, ремонтом в квартире, подрабатывала репетитором – им с мамой хватало. Шли дни, месяцы. Наступила зима. И тут Надежда приняла решение. Она объявила маме, что взяла путевку в санаторий и уедет на две недели – подышать свежим воздухом, полепить снеговиков.

– Ну надо, так надо, доченька, – обрадовалась мама. – Давненько ты не отдыхала. Свитер теплый не забудь и мазь лыжную. Лыжи-то, наверное, в санатории на прокат взять можно? А вот мазь наверняка нет.

– Ну, конечно, мама. Не волнуйся. И свитер возьму, который ты мне связала, и теплые носки из собачьей шерсти.

Мама довольно улыбнулась.

Вечером, у себя дома, Надежда складывала вещи в чемодан. Рядом на компьютерном столе сидел Лучик – толстый пушистый котяра.

– Ну, что, мой дорогой? Полетим с тобой в Калининград? Ты, конечно, круглая морда, раздобрел, заматерел и обнаглел. Избаловала я тебя на свою голову, ты совсем от рук отбился. Ты не мышелов, ты – диванная подушка. Посмотри на себя: брюхо по полу волочится, ножки до пола не достают. Под хвостом вылизать не можешь – брюхо круглое мешает. Ну, ничего. Сейчас мы с тобой отправимся в путешествие. Ты ведь давненько на родине не был. Вспомнишь род-

ную помойку, будешь ценить мою заботу. А то опять все углы ободрал, мерзавец, а я ведь только обои свежие поклеила и классную когтеточку тебе купила. Посмотри-посмотри, что ты наделал, негодник! Ты небось и в переноску не влезешь. Ну, смотри, положу тебя в рюкзак и сдам в багаж. Будешь знать!

Надя купила авиабилет по сумасшедшей цене, но ей обещали размещение кота в переноске вместе с ней в салоне. Оно и понятно, конец декабря, все летели встречать Новый год.

Надежда волновалась: уместен ли ее приезд? Она не видела Петра и Алису полгода. За это время много воды могло утечь, многое измениться. Но она твёрдо решила ехать и гнала сомнения прочь.

Место ее оказалось в первом ряду, там всегда много места для ног. Под ноги Надя и поставила переноску, в которой возился и сопел ее многострадаальный кот.

– Ну, ну, дружок! – прошептала она ему, устраивая удобнее переноску. – Немножко потерпи, скоро будем на месте. Кот ничего не ответил. Он был возмущен.

Взревели моторы, Надя пристегнулась, самолет качнулся, начал разгоняться, и через мгновение Надежда поняла, что она уже в полёте. Чтобы время прошло быстрее, она вытащила электронную книгу и стала читать свой любимый роман «Сто лет одиночества» Маркеса.

Стюардесса стала предлагать воду и напитки. Надя от-

влеклась от книги, попросила стакан негазированной воды – в самолёте нужно много пить, она слышала, что в салоне такой воздух, что можно высохнуть как сухофрукт. Конечно, это только байка, но Надя решила на всякий случай попросить второй стакан воды.

Вскоре шасси коснулись бетонной полосы, самолёт пробежался по ней, потряхивая радостно аплодирующих пассажиров, и остановился.

Подогнали трап. Надежда вытащила с багажной полки свой маленький чемоданчик на колёсиках, подхватила переноску и вышла из самолета. Она взяла такси, ехать до города было километров двадцать, и вскоре оказалась у знакомого дома. Она везла любимым подарком и слова любви.

Надя отворила дверцу машины и вышла на улицу. Пал снег, как и полагалось в декабрьскую ночь. Он хрустел под ногами, и Надя счастливо улыбнулась. Во многих окнах горели разноцветными огоньками ёлки, и это создавало необыкновенное, сказочное настроение и давало предвкушение чего-то восхитительного, радостного, какого-то полёта.

Надежда решительно тряхнула головой и, таща за собой чемоданчик, вошла в подъезд, код которого ей был до боли знаком. Она подошла к знакомой двери на первом этаже и с громко бьющимся сердцем нажала на кнопку звонка. В глубине квартиры раздалась мелодичная трель, но дверь никто не открыл. Надежда нажала второй раз. Тот же результат.

Сердце у нее упало – никого нет дома. Она в нерешительности отступила от двери, не зная, что теперь делать. К такому результату она не была готова.

Она открыла дверь подъезда и вышла на мороз. Кот в переноске заворочался и жалобно мяукнул.

«Ой! Он же голодный! – вспомнила Надежда. – Я же с утра его не кормила. Нужно искать гостиницу... Может быть, Пётр ушел по делам и скоро будет». Но не успела она сделать и пару шагов, чтобы выйти со двора и поймать такси, которое довезло бы ее до какой-нибудь гостиницы, как в порывах снежной метели показалась небольшая сторбленная женская фигурка. Пожилая женщина приближалась к подъезду, держа в руке хозяйственную сумку. Она подошла совсем близко к Надежде и вдруг остановилась.

– Надя? – спросила женщина с удивлением.

Надежда узнала Нину Петровну, няню Алисы, и обрадовалась.

– Здравствуйте, Нина Петровна. Я вот приехала, а Петра дома нет. Вы не знаете, где он может быть?

Няня с удивлением посмотрела на Надежду.

– А вы разве ничего не знаете?

– Нет. А что? – испугалась Надя.

– Они здесь давно не живут. Да вы проходите, Надюша, я вас чаем напою, и поговорим. Я сейчас в этом подъезде работаю, можно сказать, квартиру сторожу. Хозяева уехали на полгода за границу, а я за хозяйку.

Они поднялись на третий этаж, и Нина Петровна открыла своим ключом дверь, обитую дорогой кожей.

– Заходите, Надюша.

Надя вошла в прихожую.

– Раздевайтесь. А я сейчас чайник поставлю, а заодно посмотрю, чем вашего котика накормить, – бросила ласковый взгляд на переноску Нина Петровна.

Надежда выпустила измученного кота. Тот поднял хвост трубой и ринулся куда-то вглубь квартиры размять затёкшие лапы.

Они пили чай и разговаривали.

– Пётр Олегович и Алиса переехали. Куда не знаю. Обещали сообщить, но пока нет никаких известий. Анастасия уехала за границу. Пётр Олегович продал здесь всю недвижимость. Он молодец, ходит без палочки. – Нина Петровна пододвинула к Наде вазочку с конфетами. – Угощайтесь, Надюша, это мои любимые, «Коровка» называются. Все любят шоколадные, а я молочные.

– Спасибо. – Надя взяла конфету и откусила. – Вкусная какая! А скажите, Нина Петровна, где же мне их теперь искать?

– Не знаю, моя дорогая. Я думаю, нужно подождать от них известий. Вы оставьте мне номер своего мобильного, я как что-нибудь узнаю, сразу вам позвоню.

Наде ничего не оставалось, как поблагодарить радушную женщину и вскоре распрощаться. Кот был накормлен, ему

достался кусок вареной говядины. Надя с трудом зачихала его в переноску. Нина Петровна по телефону вызвала такси, и Надежда отправилась снова в аэропорт.

Билетов на Питер, ожидаемо не было.

– Девушка, что вы хотите? Тридцать первое декабря. Вечер. Все билеты проданы. Билеты есть только на первое января. Будете брать?

– А где я буду ночевать? – спросила Надежда.

Кассирша удивилась.

– Я откуда знаю? Есть гостиницы.

– У меня кот, – вздохнула Надя.

– Это уже хуже. Могут не взять, – посочувствовала кассирша.

Надежда отошла от окошка кассы и села в жесткое, пластмассовое кресло. Ей хотелось плакать.

Но тут ангел-хранитель решил помочь Наде. И послал ей помощь в виде пышнотелой, не совсем трезвой дамы, которая начала праздновать Новый год как минимум сутки назад.

Дама в распахнутой норковой шубе, окруженная молодыми людьми, с шумом двигалась по проходу и ногой зацепила кошачью переноску. Та опрокинулась. Кот взывал. Дама остановилась.

– Это кто у тебя? – бесцеремонно спросила она, покачиваясь.

– Кот, – печально ответила Надя.

– Живой? – уточнила дама.

– Пока – да, а дальше не знаю. Билетов нет.

– А далеко ли путь держишь? – Незнакомка протянула одному из молодых людей бокал, и тот тут же налил ей шампанского. Дама выпила до дна и покачнулась.

– В Питер.

Дама широко улыбнулась и взмахнула бокалом.

– Тебе удивительно повезло, кошатница. Я тоже направляюсь... в город на Неве. – Она покачнулась. – Летим, у меня частный самолет. – И она снова величественно двинулась по проходу.

Не заставляя себя просить дважды, Надежда подхватила свой скарб и бросилась за спасительницей.

В салоне самолета дама попросила открыть новую бутылку.

– Выпусти своего зверя, – сказала она. – Куда он здесь денется. Ошалел, наверное, скрючившись сидеть в переноске.

Надя тут же выпустила Лучика.

– Меня зовут Инна Александровна, – сказала дама. – А тебя как?

– Я Надежда.

– Слушай, Надюша, а продай-ка ты мне своего кота, а? Я тебе хорошо заплачу.

Надя огорчилась.

– Ну, что вы, Инна Александровна! Он же как ребенок. Я его люблю. А он меня.

– Понимаю... – кивнула дама и подлила себе шампанско-

го. – Настаивать не буду. Нет так нет.

Эта чудесная женщина оказалась женой известного исполнителя шансона.

– Не люблю праздники, потому что моего-то всегда нет дома. Гастроли, новогодний чёс...

– А дети? – спросила Надежда.

– Дети учатся кто в Америке, кто в Англии, так вот и мотаюсь...

За разговором время промелькнуло быстро. На аэродроме новые знакомые распрощались, поклявшись в вечной дружбе. Инну Александровну загрузили в шикарный черный джип, а Надя на такси поехала к себе домой.

В машине ей захотелось плакать. До Нового года оставалась пара часов. А она одна, совсем одна... Она даже маму не успеет к себе позвать, а ехать к маме самой в таком жутком настроении совсем не хотелось. Ничего, встретит бой курантов с котом, тоже ведь живая душа...

Во дворе уже начали взрывать петарды. Разноцветные брызги огней и громкие вопли «Ур-ра-а!» разрывали ночную тишину. Надя вошла в парадную, поднялась на свой этаж, устало вставила ключ в замочную скважину и открыла дверь. В коридоре горел свет. «Не выключила, когда уезжала»? – мелькнуло в голове у Нади, но она тут же увидела... свою маму.

– Мамочка!.. – воскликнула она. – Ты как тут?

– Приехала вот немного прибраться у тебя. Ты ведь в са-

натории. Вот даже гостей твоих приняла. Ты не будешь ругаться?

– Какие гости? – не поняла Надя, устало снимая зимние сапоги.

– Да под дверью твоей стояли, я их и впустила.

И тут в коридор вылетела Алиса.

– Надя! – закричала она и кинулась к ней в объятия.

Надю захлестнула волна счастья. Она крепко-крепко обняла девочку и расцеловала ее в обе щеки.

– Здравствуй. – В коридоре появился Олег. – Мы вот на свой страх и риск... – Он поцеловал ее. – А где ты была? Кот уже инспектирует квартиру? – махнул он рукой на переноску.

– Пока нет.

Алиска открыла переноску. Кот мгновенно выскочил и помчался по знакомому коридору к лотку, задрвав пушистый хвост. Алиска бросилась за ним.

– Лучик! Кис-кис! Папа! Смотри, какой он стал здоровый! Он огромный!

– Я испугалась, что потеряла вас. Поехала к вам... – прильнула к Петру Надежда.

– Ты была в Калининграде? – удивился Пётр.

– Я виновата перед тобой, перед Алисой. Я не должна была уезжать от вас.

– Это я виноват, я не должен был тебя отпускать. Я купил большой дом в пригороде Санкт-Петербурга. Мы с Алисой

перебрались ближе к тебе, и теперь тебе никуда не деться. Я приглашаю в гости тебя и Галину Николаевну.

– А Лучика? – усмехнулась Надежда.

– Ну, как без него? Первым он уже не войдет, но без кота никак. А ты согласишься жить с нами?

– Соглашусь.

– Тогда я снова делаю тебе предложение руки и сердца. – Пётр вынул из кармана бархатную коробочку. – Ты выйдешь за меня замуж?

– Да.

– Тили-тили тесто, жених и невеста... – пропела Алиска, когда они поцеловались. – Я тоже хочу подарок от Деда Мороза!

– И о чем же ты мечтаешь? – улыбнулась Надежда.

– О щенке! Папе сказали, что ему ходить надо много, ногу разрабатывать, вот мы и будем гулять с пёсиком. А с Лучиком я его познакомлю. И еще... – Алиса посмотрела на Надю. – Когда ты выйдешь замуж за моего папу, то родишь мне братика.

– Ребята! К столу! Скорее! Пять минут до Нового года! – позвала их Галина Николаевна. – Пётр, пора открывать шампанское!

Пробка хлопнула и полетела в потолок.

Звонко сдвинулись хрустальные бокалы.

С новым счастьем!

Каких только чудес не бывает на Новый год!

Бизнес-ланч для Серого Волка

Глава первая

Сказать, что все пошло не так именно со вчерашнего дня, Акси́нья не могла. Все неприятности начались давно, еще с весны. Какая-то она выдалась мерзостная, больше походила на зиму – холодными ветрами и ледяными дождями с острыми, как головки булавок, снежинками. На голых облесенных ветках деревьев не спешили набухать почки. Темное небо с низко расположенными, тяжелыми, словно беременными тучами готово было разродиться в любой момент очередным неласковым дождем.

Именно тогда и зародилась в душе Акси́ньи глубокая депрессия, которую она заливала большим количеством кофе, долгими вечерами не отрываясь то от телевизора, то от компьютера. Оставалась надежда на лето...

Акси́нье, которую знакомые, чтобы не ломать язык, звали просто Асей, стукнуло тридцать шесть, что наводило на определенные размышления о жизни. Что-то уже должно быть достигнуто и создано. Самое главное, конечно, семья.

Коренная москвичка, Акси́нья в данный момент обитала одна в трехкомнатной квартире в современном панельном доме, окнами в уютный дворик, недалеко от метро и не на

украине столицы. То есть с жильем было все в порядке, но оно все-таки не семья...

Свою жизнь вместе с мамой, Тамарой Леонидовной, они начинали в однокомнатной квартирке, доставшейся им после развода с отцом, когда Асе было всего семь лет. Она смутно помнила нескончаемые глухие крики за стеной. Так родители скандалили, думая, что она уже спит и ничего не услышит. Она же, наоборот, боялась засыпать, свернувшись калачиком и вслушиваясь в доносящиеся голоса. Ей почему-то казалось: стоит задремать, и с кем-то из родителей что-нибудь случится. Так и дожидалась всегда окончания ссоры, а затем, немного поплакав в подушку от недопонимания и страха, засыпала.

Из детских воспоминаний остались также горы немытой посуды и неизменно опухшие мамины глаза. Но когда отец ушел, лучше не стало – мама запила на долгих восемь лет.

Аксинья жутко скучала по отцу, но видела его лишь дважды в год. Он неизменно приходил на ее день рождения с очередной куклой – и бездушным лицом с периодически стекленеющими глазами – и первого сентября, чтобы отвезти ее в школу. Всегда приносил безумно длинные, выше нее, гладиолусы, и она шла с этими цветами, несказанно счастливая от присутствия отца – высокого и, как ей казалось тогда, очень сильного.

Однажды папа пришел какой-то замученный и потерянный, внимательно посмотрел на нее и сказал: «А ты уже со-

всем большая... Больше моих цветов...»

А потом отец исчез, причем навсегда...

Как раз в то время маму хотели лишит родительских прав, а Аксиныю определить на место жительства с отцом.

– И это правильно! – плакала Тамара Леонидовна.

Но известие, что отец не берет дочь к себе, сильно отрезвило ее в прямом и переносном смысле. Что-то проснулось в душе, а в сознании укоренилась главная мысль: нельзя, чтобы ее дочка, единственная и неповторимая, оказалась в интернате. И произошло чудо – Тамара Леонидовна взяла себя в руки. И до сих пор благодарила Асю за те долгие восемь лет терпения.

Маленькая девочка взвалила на свои плечи уборку квартиры, вынос мусора, походы в магазин. И при этом изо всех сил старалась учиться, чтобы никто никогда не сказал, будто у нее плохая мама или неважно обстоят дела в семье.

У Аксины с малых лет развилась жуткая самодисциплина. Она очень рано повзрослела, поняв, что рассчитывать в этой жизни может только на себя.

От учителей Ася всегда слышала только положительные характеристики. «И отличница! И умница! И послушная! И красивая!»

Когда Ася окончила школу, у матери начались проблемы со здоровьем. Отказывали печень, почки, а потом отнялись ноги из-за какого-то очень серьезного воспаления вен. Дошло до того, что Ася не смогла ходить в офис – мать нельзя

было оставлять в одиночестве.

Нет, сначала они наняли сиделку – в уже расширившуюся до трех комнат квартиру, которую Ася заработала за десять лет неустанных трудов. Сиделка, увы, не помогла – постоянно вызывались «скорые», и Тамару Леонидовну отвозили в больницу.

– Сиделка, даже профессиональная, всего лишь медсестра. Но вашей маме нужна врачебная помощь, каждодневное наблюдение, а в периоды кризиса – и подключение к специальным приборам, – пояснили Асе врачи.

И тогда было принято непростое решение. С согласия мамы, Ася перевезла ее в частный дом для престарелых, где богатые люди могли очень достойно содержать своих родителей, нуждающихся в медицинской помощи. То есть инвалидов, которых нельзя было оставлять дома одних. Старики там жили в прекрасных условиях, в двухместных номерах, с постоянным наблюдением, сбалансированным, индивидуально разработанным диетическим питанием, ежедневным осмотром врача, прогулками и даже развлекательными мероприятиями.

Мама Аксиньи обитала в этом доме уже два года и чувствовала себя превосходно. Вынужденное решение стало для Тамары Леонидовны в конечном итоге очень даже неплохим. Она уже не впадала в панику при каждом повышении давления, так как сразу же прибегал очень доброжелательный доктор, обследовал клиентку, назначал лечение.

Ей нравились новые друзья, питание и уход.

Аксинья приезжала к матери каждую неделю и ежемесячно переводила на счет фирмы «Уютная старость» кругленькую сумму, о которой Тамара Леонидовна даже не догадывалась.

Вначале Ася привозила матери кучу всяческих гостинцев. Но быстро выяснилось, что эти разносолы – лишнее. Ежедневное меню и так изобиловало фруктами, свежими овощами и всякими деликатесами.

– Нам каждый день все эти йогурты дают! Не носи ты мне этого, дочка. Ведь пропадет же! – просила мать.

Ася, декоратор по специальности, сотрудничала с дизайнерской фирмой «Фауст». Та искала в Интернете или по своим каналам клиентов, жаждущих изменить интерьер жилья, и предлагала услуги своих дизайнеров, в частности Асины. А дизайнеры отдавали фирме двадцать процентов от суммы гонорара.

Аксинью, закончившую художественный институт, затем неоднократно повышавшую квалификацию на семинарах и тренингах, работа именно с этой артелью очень даже устраивала. Они успешно трудились уже восемь лет. Асю знали как честного, порядочного сотрудника, талантливого художника. Людей, которым она оформляла квартиры, загородные дома и дачи, так впечатляла ее фантазия, что они охотно рассказывали о гениальном дизайнере друзьям, а те, в свою оче-

редь, делали заказ именно на художника Аксиныю Александровну. Со временем у Аси скопилась виртуальная очередь из клиентов, желающих иметь дело только с ней.

Она сама писала маслом, умело реставрировала любой предмет, потерявший первоначальный лоск, вдыхала в него новую жизнь. Если надо, то Ася-искусница могла и шторы расписать в технике «холодный» или «горячий» батик, и стены разукрасить на заданную тематику. И даже произвести на свет витраж с росписью по стеклу любой сложности.

Когда у нее складывалось видение будущего интерьера, она сочиняла эскиз, вызывала бригаду строителей, а потом контролировала каждый их шаг, сверяла цвета красок, структуру текстиля, обоев. Ни одна из деталей не проскакивала мимо внимания Аксиныи.

Она очень ответственно относилась не только к работе, но и ко всему в этой жизни, чему, как уже сказано, имелось объяснение. И единственным недостатком такой положительной со всех сторон девушки был ее совершенно невозможный, несносный характер. То ли здесь вмешалась генетика, то ли сказала не очень-то легкая жизнь с проблемной матерью и ее вечными болезнями, так или иначе, но человеческие отношения с Аксиныей удавалось выстроить единицам.

В ее сердце, мысли и душу была впущена всего лишь одна подруга. С Ниной Изотовой они учились в школе, и девичья дружба вынесла проверку временем. Нина всегда тяготела к точным математическим наукам, ее ничуть не трогали ни

литература, ни история... Учителя недоумевали: как можно выиграть общегородскую олимпиаду по алгебре с геометрией и не найти нескольких слов, чтобы связно рассказать о пестиках и тычинках?

После школы Нина выучилась на экономиста и, надо отдать ей должное, стала блестящим специалистом. Сейчас она уже могла позволить себе не работать постоянно, а заниматься время от времени аудитом, то есть проверкой любых экономических структур. Умницу Нину приглашали экспертом даже в правительственные комиссии! Еще она давала консультации по страхованию бизнеса, по любым ценным бумагам и акциям, по финансовым вложениям, по валютам других стран... В общем, Нине ее работа была по душе, и она прекрасно со всем справлялась.

У нее и на личном фронте все шло как-то не по чувствам, не по эмоциям, а словно в уравнении с тремя неизвестными. Сначала она хотела стабильности на работе и хороший дом. Выбор пал на шефа – директора банка, в который она поступила после аспирантуры и защиты кандидатской диссертации. Свадьба, повышение по служебной лестнице, богатый муж, шикарная квартира. А потом вдруг развод.

– Но почему? – спросила тогда у подружки Ася.

– Прошли чувства, – лаконично ответила Нина.

– Чувства? Странно от тебя слышать это слово. А они у вас когда-нибудь были?

Затем Нина поставила себе задачу найти прекрасного от-

да для своего будущего ребенка. И это уравнение было блестяще решено ее аналитическим умом. В дорогой квартире Нины поселился добродушный, толстый человечек, с низкой зарплатой и повышенной совестью. Такой «ботаник» в очках, работник НИИ, как при Советском Союзе. Был зачат очаровательный крепкий малыш, и папа с головой ушел в его физическое и моральное воспитание.

Нина не просчиталась, второй муж вполне мог носить титул «Лучший отец в мире». У него просто крышу снесло от любви к сыну. Он полностью растворился в отцовских чувствах, а Нина Изотова преспокойно занималась карьерой и деньгами. Через семь лет – опять развод, и снова по инициативе Нины.

– Что на этот раз? – выводывала Аксинья. – Такое милое семейное гнездышко...

– Милое до тошноты! – фыркнула Нина, женщина очень и очень «секси». Средний рост, гордая посадка головы, рыжая грива. Светлая кожа с полупрозрачными веснушками, поджатые губы и взгляд – стальной по значимости и зеленый по цвету. Фигура тоже не подкачала – тонкие талия, запястья и щиколотки, внушительный бюст. Поэтому, когда красотка поставила перед собой третью задачу, желающих воплотить ее в жизнь на горизонте появилось много.

– Теперь я хочу пожить наконец-то не ради карьеры или обустройства быта, не ради потомства, а ради своего тела. Я ищу хорошего любовника!

– А как же Владимир Владимирович? – икнула Аксинья.

– А что с ним будет-то? Ребенка я не отнимаю. Саша пошел в первый класс и волен видаться с отцом, когда хочет и сколько хочет... К моей личной жизни это не имеет никакого отношения. А я теперь живу со своим инструктором! – гордо заявила Нина.

– И чему он инструктирует?

– Как правильно сформировать свое тело. Но мне он делает то, что я и хотела.

– Не будем вдаваться в подробности, – слегка осадил ее Аксинья.

Итак, в данный момент ее подруга Нина жила с инструктором по фитнесу Арнольдом. Последний, конечно, оказался красив и статен, но разговаривать умел только на тему мышечных волокон, преимуществ белковой диеты и о том, что человек обязан содержать себя в хорошей физической форме. Поскольку этими своими речами Арнольд наводил на всех жуткую скуку, Нина его на встречу с друзьями не брала, за глаза называя инструктора «мальчиком для спальни» или «моим тренажером».

Аксинью просто выворачивало от такого цинизма, но она, чтобы не ссориться с единственной подругой, сдерживала себя.

Сама же Ася в отношениях с мужчинами совсем не была прагматиком, не могла ничего просчитать наперед, никогда ничего ни от кого не требовала. Жила исключительно эмо-

циями и импульсами. В простонародье про таких женщин говорят «дура-баба». А подруга Нина неоднократно повторяла: «Ты совсем не умеешь выбирать мужиков».

– Если бы все стали такие, как ты, то чувства вообще бы вымерли, как динозавры! – не соглашалась Аксинья.

– Какие чувства?! Тебе сколько лет?! Ты еще, наверное, в Деда Мороза веришь! – смеялась Нина.

– Да, верю! – округляла голубые большие глаза Аксинья.

– О господи! – выдыхала Нина, оставляя Асю в покое, чего та и добивалась.

Глава вторая

С молодости она считалась особой серьезной и очень занятой. Ровесники ей казались неинтересными и глуповатыми. А знакомые мужчины постарше были все женаты, и заводить с ними романы Аксинье не позволяли, по ее словам, «совесть, внутренний стержень и взгляды на жизнь».

Так она в студенческие годы не сошлась ни с кем, хотя к солидным мужчинам ее словно примагничивало. Они были умны, всепонимающи, от них веяло силой, спокойствием и защитой от всех невзгод. Так Асе, во всяком случае, казалось, наверное, из-за того, что не хватило ей в жизни отца, а вот забот хватило выше крыши.

После института Аксинья несколько раз возвращалась к мысли, чтобы присмотреть себе надежного, умудренного опытом спутника. Но вскоре с ужасом поняла, что попала совсем не в ту среду, где можно поймать семейное счастье. Ее окружали свободомыслящие, эмоциональные и странно-ватые художники. Мужчины шестидесяти лет ходили в оранжевых штанах и клетчатых шарфах, декларировали открытые браки и преспокойно заводили молодых любовниц, не смущаясь живых жен. Для них переспать с новой барышней было все равно что выпить чашку «кофию», как поется в популярной песне. Беспутство прикрывалось благой идеей – творцам, мол, нужны музы для вдохновения.

Асю свободные отношения ужасно шокировали, поэтому в своем кругу она тоже никого не присмотрела для семейного союза.

– Хоть бы любовника завела! – фыркала несносная Нинка.

– Что значит завела? Заводят собаку, а тараканы, например, сами заводятся. А любовник от слова «любовь»! Вот это и ждем-с.

– Ты еще и в любовь веришь? – прищурилась подруга. И в ее устах это прозвучало так, что в любовь верить было еще глупее, чем в Деда Мороза.

– А как без нее-то?! Нельзя же одним расчетом...

– Вот я живу расчетом и все получаю и от жизни, и от людей! И сама в шоколаде!

– Ты духовно бедна...

– Ты мне еще проповедь прочитай! Я-то в полном порядке! А вот ты бы задумалась! С твоими-то данными сидеть в девках – стыд и позор!

– Не повезло, – отводила глаза Аксинья. – Да и характер у меня не сахар.

Но и для Аси засветило солнце. Выпало ей однажды счастье, неожиданное и негаданное...

А началось все с несчастного случая – она поскользнулась и сломала ключицу. В травматологическом отделении Ася попала в нежные и в то же время сильные руки, а красивые глаза на серьезном лице довершили дело. Да и специальность

очень солидная – хирург, не то что легкомысленные художники из артели «Фауст».

А как он был заботлив с ней!

– Как себя чувствуете?.. У вас ничего не болит?.. Какие у вас грустные глаза... У вас ничего не случилось?.. А что вы делаете сегодня вечером?.. А не могу ли я проводить вас?

«А почему бы и нет?» – ответила она сначала мысленно, затем вслух.

Дима, так его звали, вернее, Дмитрий Анатольевич, оказался умным, приятным в общении, притягательно-сексуальным и... женатым.

Да, после тридцати Асе пришлось изменить своим принципам. Во-первых, биологические часы стали наводить настоящую панику, что она так и останется одна. А во-вторых, давление подруги Нины дало-таки плоды...

Пустая трехкомнатная квартира, мягкий диван, бутылка дорогого шампанского, красивые умные глаза, сильные руки хирурга и монолог, полный выстраданных фраз:

– Я с женой уже восемнадцать лет. Любовь наша давно угасла, нас объединяют дети и совместное имущество. Она давно перестала понимать меня, чувствовать... Приходишь поздно после тяжелого операционного дня. Руки словно свинцом налиты, глаза слезятся от напряжения... А дома ждет холодный ужин – это в лучшем случае – и спящая, отвернувшаяся к стенке мадам.

И вот тут-то сердце Аксины и дрогнуло: «Да как она так

может?! Она – не женщина! Такого мужчину на руках носить надо! Он спасает жизни людям, а сам ежедневно возвращается в холодный, неуютный дом! Да ему руки надо целовать! Вот я бы его уважала и ценила!»

Когда все произошло, оба почувствовали себя счастливыми и несколько обескураженными.

– У меня с женой нет любви, – вздохнул Дмитрий. – Но я не могу бросить маленьких детей...

Аксинья печально кивнула...

Их роман продлился год. Год страсти и полного взаимопонимания. Наконец Ася сама предложила Диме переехать к ней. Призналась, что хочет от него ребенка.

А в ответ услышала все ту же песню, дескать, он должен оставаться со своими крошками хотя бы до совершеннолетия.

– Но это еще лет восемь! Мне тогда уже сорок стукнет... Я останусь сама без детей, пока ты своих выращиваешь.

Но Дима снова и снова уговаривал ее не обращать внимания на какие-то глупости и мелочи, а думать лишь об их большой и чистой любви. Ася, уже привыкшая к его теплу, к их милым и коротким, но очень много значащим для нее встречам, легко поддавалась. Да, она будет ждать, пока не вырастут Димины детки.

И вдруг Асе открылась шокирующая правда. Жена Димы забеременела в третий раз.

Поддержать рухнувшую в пропасть депрессии подругу

приехала Нина:

– А что ты убиваешься? Ты же знала, что он семейный! Хотя, между прочим, зарекалась встречаться с женатыми!

– Бес попутал... Он так стонал, что несчастлив в браке, а его жена опять на сносях...

– А ты думала, что Дима не жил со своей клушей? – усмехнулась Нина.

– Он говорил, что нет, – всхлипнула Ася.

– Ой, бедная ты моя! Вроде умная, а какая глупая! Ну ты не убивайся так уж. Не ты первая, не ты последняя. Мужики все такие. Ходят на сторону, а женам подарки носят, вину за измену заглаживают.

– А ты откуда знаешь?

– Да мой погуливает, я его насквозь вижу.

– И ты так спокойно об этом говоришь! – удивилась Аксинья.

– А что? Здесь я по другую сторону баррикад! Я – жена! И он ни-ку-да от меня не денется! А с сексом у нас проблем нет, мальчик справляется... Что ты так побледнела?

Вообще-то, несмотря на свой цинизм, Нина очень переживала за подругу.

– Меня использовали... провели... – закрыла лицо руками Ася.

– Плюнь и забудь!

– Я ведь почти влюбилась... Да что там – влюбилась!

– Наука на всю жизнь.

– Мне так больно, Нина.

– Время лечит... И не относись к этому серьезно... Все пройдет, – увещевала Аксинию подруга.

Однако Ася зарыдала в голос:

– Какая же я дуууура! Ждала, когда он детей вырастит! Бред! А он еще одного! Нате вам! Еще лет восемнадцать жди! А я? Я тоже хочу семью! Детей!

– Золотые слова! Наконец-то определилась! А если появилась цель, туман рассеялся, значит, теперь все будет хорошо!

– Ни-на!!! Ни-на!!! Мне нечем дышать!!!

– Господи, Ася, да что с тобой?!

– Мне так плохо! Я жить не хочу! Меня словно оплевали и растоптали!

– Замолчи! – встряхнула ее подруга. – У тебя мать-инвалид, за которую ты платишь по сорок тысяч в месяц! Ты умрешь, а ее выкинут оттуда, и все, конец... У тебя есть обязательства! Из-за какого-то кобеля так распуститься! Ну-ка соберись! Ты не одна так бездарно попала на крючок! Нас, таких дур, миллионы! Это все чертова демография.

– Что?

– «А на десять девчонок сорока лет по статистике неженатых нет...», – пропела Нина. – Не вини себя! Считай, что ты им попользовалась! А боль пройдет! Ты – сильная.

– Я хотела хоть немного побыть слабой...

– Не судьба или не время! Верь в чудеса! Скоро Новый год! Загадывай желание и живи дальше!

– Нина, я ни на что больше не гожусь. Я раздавлена... И чудес больше не будет...

И вот под Новый год Аксинья впала в еще большую депрессию, она ненавидела весь мир и в первую очередь себя. Дмитрий Анатольевич несколько раз порывался связаться с ней, объяснить, чего-то опять «навешать ей на уши».

– Больше всего на свете я хочу никогда тебя не видеть и не слышать. Забыть! И если в тебе есть хоть капля человеческого, если ты себя считаешь настоящим мужчиной, то оставь меня в покое! – отрезала Ася. Причем несколько раз подряд.

И вроде понял, и вроде отстал, а от этого еще больнее, еще тоскливее... И подлые мыслишки: «А ведь надеялась увидеть штамп о разводе в его паспорте как доказательство раскаяния».

Но, с другой стороны, Ася отдавала себе отчет, что никогда не стала бы жить с мужчиной, если бы от него была беременна другая женщина, у которой и так два спиногрыза.

Аксинья с грустью осознала, что и ее не минула чаша под названием «несчастливая любовь».

– Время, только время лечит, – зомбировала она себя, сидя в кресле под пледом с чашкой горячего кофе и тупо глядя сериалы.

На работе она старый заказ сдала, от нового пока отказалась, решив, что впряжется в работу после каникул. Ася хотела взять паузу, отдохнуть, уйти в подполье...

Но вскоре она об этом пожалела. Сидеть без дела, по-

груженной в невеселые мысли, было занятием разрушительным. Аксинья просто взвыла от тоски. Уж лучше бы поработала во время праздников... По крайней мере, отвлеклась бы от жестокой действительности.

«А ведь Нинка была права! Знала, что я не из тех дамочек, которые при любовной неудаче мигом переключаются на другого мужика... Однолюбка несчастная! Долго теперь буду вспоминать этого паразита... Поэтому Нинка мне и твердила: «Окупись с головой в работу!» А я ей: «Отстань от меня! Оставь в покое!» Вот и сижу теперь, маюсь. Конечно, Нина пригласит меня на Новый год. Конечно, всячески станет меня развлекать, зная мое состояние. И конечно, нагонит целый дом гостей, наготовит разных вкусностей. Она к застолью с большой душой относится. Но надо быть огромной свиньей, эгоисткой в квадрате, чтобы вот с такой кривой рожей прийти к людям на праздник и испортить его...»

Аксинья представила, как гости начнут интересоваться, почему она такая грустная, что у нее случилось? А как на это отвечать? Рассказывать про свою глупую несчастную любовь? Ну уж нет!

В то же время Ася знала, что Нина всеми силами постарается расшевелить несчастную депрессивную подружку.

«Как бы сделать так, чтобы и мозги у меня были заняты делом, и в то же время все оставили меня в покое?»

Этот вопрос Асю мучил уже несколько дней.

Глава третья

Директора артели, объединившей под своими могучими крыльями художников, декораторов и прочий творческий люд, звали Наум Тихонович, носил он громкую фамилию Свобода. Окружающие подозревали, что это псевдоним. Но Свобода утверждал, что фамилия ему досталась от отца родного и именно она предопределила его независимый стиль жизни.

Это был очень интересный человек, совершенно неординарная личность. Не вписывающаяся ни в какие рамки! Во-первых, никто точно не знал, сколько ему лет. Наум Тихонович уже не первый год говорил, что шестьдесят. Паспорта у него не имелось вовсе. Жил он с женой и пятью детьми мал мала меньше (жене-то было всего сорок) в деревянной избушке с банькой, которую топил «по-черному». Домишко явно выпадал из общего ряда кирпичных «новорусских» коттеджей.

Представьте себе очень высокого, полного мужчину или, вернее, статного деда с совершенно седой гривой и окладистой длинной бородой. Неизменным атрибутом его одежды являлись ярко-красные шаровары или не менее яркие галифе со стразами. А на замечание, что это уже давно не модно, ибо по современным понятиям мужчины должны носить джинсы в обликпу, Наум Тихонович отвечал:

– Современные мужики обмельчали, стали вроде баб. Обтянут себя как... прости господи! А чего им не обтянуть-то, если и обтягивать особо нечего? А если я себя обтяну! Эгеге! Да все бабы сбегутся посмотреть! А я свою жену Светлану уважаю! Баб у меня было много, даже перебор получился... Но как только со Светланой в брак вступил... Мы венчаны, и все! Блуду не место в наших отношениях! Я и ее блуду, но и сам верен! Кстати, если бы я свое хозяйство на десять кэгэ обтянул, то и ходить бы не смог...

Вообще о его мужском достоинстве и любвеобильности ходили легенды. Любовниц у Наума Тихоновича было не счесть, дети неофициальные исчислялись десятками! Свобода остепенился-то лишь к полтиннику, семьей законной обзавелся.

Круглый год Наум ходил в валенках и русской косоворотке. Юность у него выдалась бурная. Раз десять его выгоняли из школы за несоответствие образу советского пионера и комсомольца. Из института вышвырнули за аморальное поведение – организацию притона в общежитии. Так Наум и остался без высшего образования. Но он всегда в душе ощущал себя художником, жил на широкую ногу и с разудалой душой. Застолье – так застолье, веселье – так веселье. Всякое он повидал в жизни и в конце концов объединил вокруг себя людей таких же неординарных, творческих и непохожих на других. Поэтому строгости и формализма в фирме «Фауст», которую он возглавлял, решительно не наблюдалось. Каж-

дый был волен делать то, что хотел. Все сотрудники фирмы очень любили своего «папу», как они его называли. Шли к нему и с радостью, и с бедой, зная, что он всегда поймет и поможет.

– Эх, дороги... – вздохнул шофер, поглядывая на молодую женщину, одетую в короткую спортивную куртку и джинсы, отчего та казалась подростком.

Довершали образ пассажирки сапожки цвета спелой вишни и вязаная шапочка с помпоном, из-под которой падали на плечи светлые пряди. Из декоративной косметики на красивом личике присутствовала только ядовито-красная помада, что девушке совсем не шло.

– А что с дорогами? – спросила Аксинья, а это была именно она.

– Да не убирают совсем! Еще по Москве проедут уборщики, а стоит чуть отъехать от главной трассы – трава не растит... Вон навалило-то, и что? Не проехать... Хорошо хоть добираться недалеко!

– Да, здесь уже рядом, – кивнула помпоном Ася, очень часто бывавшая в доме «папы».

– А чего такая грустная? Через несколько дней Новый год! Эге-гей!

– Что значит «эге-гей»? – ровным голосом спросила Ася.

– Если молодая женщина под Новый год не знает, что такое «эге-гей с восклицательным знаком», то мне ей это не

объяснить, – засмеялся водитель.

Ася улыбнулась впервые за долгое время.

– Я поняла, о чем вы. Хотелось бы действительно «эге-гей»...

– И что мешает?

– Обстоятельства, – отвернулась она к окошку.

– Все мужики – козлы? – уточнил он.

– Думаю, что да... Вернее, не я так думаю, а жизнь доказывает.

– Понятно... Поворот и шлагбаум...

– Там охранник, сейчас к нам подойдут. – Аксинья высунулась в окно. – Мы к Свободе, дом номер пять.

– Фамилия?

– Соколова.

– Да, вы в списке тех, кого товарищ Свобода рад видеть и утром, и днем, и ночью, – сверился со своими данными охранник и козырнул, выдав этим, что когда-то был военным.

Шлагбаум поднялся, и машина проехала.

– Товарищ Свобода? Это что значит? – Водитель игриво посмотрел на Асю в зеркало заднего вида.

– Такая фамилия.

– И вы жаждете ехать к Свободе?

– Я бы жаждала ехать без глупых вопросов, но мне не повезло.

– Молчу! Ого! Просто коттеджный поселок! Охрана... все

дела... Буржуи отстроились...

– Живут директор банка, директор рынка, пластический хирург, некто с неизвестным родом деятельности, – перечислила Акси́нья кого знала.

– Эх, везде одно и то же... Нет бы сказали, что живут врачи, учителя, инженеры, шоферы...

– Я называла пластического хирурга, – напомнила Ася.

– Я вас умоляю! Человек, который не лечит, не спасает жизни, а тупо вставляет сиськи, не может считаться врачом в полном понимании этого слова!

– Но он – создатель красоты!

– Жрец силикона он! Да мне вообще на него плевать! Я же не собираюсь делать пластику!

– А как насчет женщин, которым хочется омолодиться?

– Вот дуры бабы! – крикнул водитель. – Всё, приехали. Дом номер пять.

По расчищенной от снега тропинке уже несли Наум Тихонович в распахнутой телогрейке и красных галифе. Седые волосы развевались по ветру, а руки были распахнуты для приветственного объятия.

– Ася, дочка! Как рад! Как рад! Просто сюрприз под Новый год!

Акси́нья пошла ему навстречу и, уткнувшись в его густую седую бороду, неожиданно для себя расплакалась.

Уже через пять минут она сидела за огромным столом,

накрытым яркой скатертью, с самоваром, блюдами из холодильника под общим названием «все, что есть» и связкой баранок на шее.

Так Наум Тихонович встречал гостей, чтобы сразу настроить на душевный лад, окутать домашним теплом. Словно позаимствовал традицию у жителей далеких островов, которые вешали сошедшим на берег морякам венки из красивых крупных местных цветов. И Асе было очень приятно сидеть со смешными баранками.

Жена и дети Наума Тихоновича уехали на новогодние праздники к его теще в Ярославль, и Свобода остался один. Не совсем, правда, один... В доме постоянно проживали человек десять, если не больше, художников и просто друзей хозяина. Причем вели себя как заблагорассудится. В основном бездельничали и пили самогонку, которую Наум гнал в огромных количествах и с разными ингредиентами: и с медом, и с можжевельными ветками, и с острым перчиком на украинский манер...

Супруга временами тихо возражала против дармоедов, но Наум ее всегда одергивал:

– Не бубни! Мой дом всегда был открыт для друзей, всегда был полон людьми, и так будет всегда! Надеюсь, что и ты это примешь, иначе бы не стала моей женой.

Наум за своих художников всегда был горой:

– Понимать надо... Я же не с грузчиками или рабочими с конвейера имею дело! Я работаю с людьми тонкой душев-

ной организации... Ими нельзя понукать! Можно подойти к врачу и велеть прооперировать больного – это его специальность, долг. Можно подойти к военному и приказать промаршировать по плацу. К рабочему, чтобы отштамповал детали... А как ты можешь требовать, чтобы Художник (с большой буквы) написал картину? Это нереально! Здесь нужны вдохновение, особый настрой, особое состояние... Кто-то творит, находясь на любовном подъеме, кто-то пишет лишь на грани отчаяния... Был у меня один мальчик. Тоже вроде бы болтался без дела. Но он был очень талантлив, и я знал, что рано или поздно он выстрелит! А сколько человек талдычили: «Да брось ты с ним возиться – таких вокруг двенадцать на дюжину!» А мальчик вырос в прекрасного юношу, влюбился, женился. А после этого его любимая вместе с нерожденным ребенком попала в автокатастрофу и умерла на месте. Он с горя вскрыл себе вены и, истекая кровью, создал картину-шедевр под названием «Вечность». Вся любовь, вся боль, что бились в сердце бедного парня, вылились в его детище, в это полотно. Его жизнь удалось спасти, а «Вечность» ушла за двадцать миллионов долларов... Разве такого можно требовать от Художников каждый день?.. А парень этот заработал имя, уехал на долгие годы жить за границу... Написал много замечательных полотен, стал мультимиллионером... Я даже и не знаю, чем он занят сейчас. Он может быть владельцем чего угодно. А может уже и не делать ничего, живет себе на проценты от заработанного. Вот такая судьба...

И я в каждого художника верю, а если он сейчас пьет, значит, так потребно его душе. Если он спит до часу дня, значит, так и надо... Зато, когда его окрылит вдохновение, он перестанет и есть, и спать, и наверстают упущенное... И я, Наум Свобода, которому самому не хватило божьего дара, никогда не закрою дверь ни перед одним, возможно, недопонятым талантом.

Как раз сейчас «недопонятые таланты» блуждали по кухне Наума в поисках еды и питья. Никто не обращал внимания ни на самого хозяина, ни на его гостью. Они же мило беседовали по душам, а эту историю о бедном художнике, ставшем мировой знаменитостью и миллионером, Ася от Наума слышала и раньше, а сейчас почему-то вспомнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.